

СУДЬБА ГЕТЕРОКЛИТИЧЕСКИХ ОСНОВ В ПРАСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2019 г. М.Н. Саенко

*Канд. филол. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН
E-mail: veraetatis@yandex.ru*

Статья представляет собой попытку критически рассмотреть имеющиеся представления о количестве так называемых гетероклитических основ в раннем праславянском, а также проанализировать судьбу этих основ.

The article is an attempt to critically approach existing views on the number of the so called heteroclitic stems in the early Proto-Slavic language and analyse their transformation in the course of time.

Ключевые слова: праславянский язык, праиндоевропейский язык, гетероклитическое склонение, морфология.

Keywrds: Proto-Slavic language, Proto-Indo-European language, heteroclitic declension, morphology.

DOI: 10.31857/S0869544X0004199-1

1.1. Традиционно гетероклитиками называют индоевропейские основы с чередованием суффиксов *-(e)г в сильных падежах / -(e)n- в слабых падежах. К ним также примыкает слово «солнце» с чередованием *-l/-n-. Все гетероклитики были среднего рода.

Среди основ этого типа много очень архаичных и непроизводных слов, например, названия печени и солнца (см. ниже). Однако существуют и суффиксальные дериваты, в том числе прозрачные производные от глаголов, например, лат. *iter* (G. *itineris*) «путь», хеттск. *itar* «путь», тох. А. *ytār*, тох. В. *ytārye* «путь, дорога».

1.2. Достоверно продуктивны гетероклитические основы только в анатolianских языках. В хеттском сюда относятся слова *uttar* «слово», *wātar* «вода», *mēḥur* «время», *ēšḥar* «кровь», *paḥḥuwar* / *paḥḥur* «огонь», *lammar* «час», *kutar* «шея (?)», «сила», *šēḥur* «моча», *pankur* «некая часть тела», а также большое

¹Автор выражает благодарность Р. Шептыньскому и А.А. Трофимову за плодотворную дискуссию и большое количество замечаний, позволивших значительно улучшить статью, а также Л. Репаншеку за консультации по материалу статьи.

количество производных лексем с суффиксами *-atar* / *-ātar*, *-eššar*, *-āwar* и *-mar* [1. Р. 124–130].

В греческом мы также находим значительное количество таких слов (в косвенных падежах основа расширяется при помощи форманта *-t-*, по всей видимости, по аналогии с основами на **-nt-*): ἥπαρ (G. ἥπατος) «печень»; οὐθαρ (G. οὐθατος) «вымя»; ἥμαρ (G. ἥματος) «день»; εἶδαρ (G. εἶδατος) «еда, пища»; ἄλειαρ (G. ἄλειατος) «мука»; ἄλειφαρ (G. ἄλειφατος) «мазь; елей, масло»; δέλεαρ (G. δελέατος) «приманка, наживка»; φρέαρ (G. φρέατος) «колодец»; πεῖραρ (G. πεῖρατος) «граница, предел, рубеж, край, конец»; στέαρ (G. στέατος) «сало, жир»; κτέαρ (G. κτέατος) «имущество»; ὕδαρ (G. ὕδατος) «вода»; σκῶρ (G. σκάτος) «экскременты, навоз». Многие из этих лексем не имеют аналогов за пределами греческого, ряд из них без сомнения является новообразованиями, например ἄλειφαρ < ἄλείφω «натираю, смазываю маслом» или κτέαρ < κτάομαι «приобретаю, наживаю». В то же время далеко не все праиндоевропейские гетероклитики сохранили свое склонение в греческом: ἔαρ, ἔαρος «весна»; поэтич. ἔαρ, ἔαρος «кровь; сок»; πῦρ, πῦρός «огонь»; ὥρα «период, пора; время года; весна» утратили гетероклизу.

Отдельную группу составляют те существительные среднего рода на *-ар* и *-ор*, у которых засвидетельствована только форма именительного и винительного падежей. В этом случае нельзя определить, является ли слово гетероклитиком или нет, если, конечно, у него нет *-n*-когнатов. Речь идет о следующих случаях: ἐέλδωρ «желание, стремление»; εἰλᾶρ «защита, убежище»; ἔλωρ «добыча»; λίαρ «жир»; πέλωρ «чудовище».

В ведийском санскрите сравнительно немного классических гетероклитиков, часто они имеют распространение *-j-* или *-t-* в сильных падежах: *ásrk* (G. *asnáḥ*) «кровь»; *yákr̥t* (G. *yaknáḥ*) «печень»; *ūdhar* (G. *ūdhnaḥ*) «вымя»; *śákr̥t* (G. *śaknáḥ*) «навоз».

В авестийском к гетероклитическим основам относят: *aogar³* «сила»; *aii-ar³* (N. pl. *aiiān*) «день»; *^uruθbar³* «внутренности»; *karšuuar³* «часть света»; *ta-car³* «бег»; *θanuuar³* «лук»; *danar³* «доля»; *dasuuar³* «здоровье»; *baēuuar³* «десять тысяч»; *yākar³* «печень»; *yār³* (G. sg. *yā*) «год»; *vadar³* «оружие»; *vazduuar³* «упорство»; авест. *rāzar³* (G. *rāzāng*) «правило»; *snāuuar³* «сухожилие»; *zafar³* «рот»; *zāuuar³* «скорость»; *huuar³* «солнце» [2. S. 153]. Отметим большое количество новообразований среди этих слов.

В прочих ветвях индоевропейских языков гетероклитическая модель обычно уже непродуктивна, например, в латыни сохраняются лишь три основы: *femur* (G. *feminis*) «бедро»; *iecur* (G. *iocineris*) «печень»; *iter* (G. *itineris*) «путь». В умбрских текстах обнаруживается гетероклитик *utur* (acc.), *une* < **udne* (abl.) «вода». В то же время аблатив слова *pir* «огонь» — *pure*, а аккузатив — *purom-e* [3. Р. 111].

В прагерманском языке было как минимум три старые гетероклитические основы — «огонь», «вода» и «солнце». Однако в языках-потомках гетероклитическая парадигма не сохранилась, одни основы обобщили формант *-г-* (или *-l-*), другие — *-n-*. Ср. др.-сканд. *vatn* «вода» и англ. *water*, др.-сканд. *funi* «огонь» и *fúrr/fýrr* «огонь» (поэтич.), др.-сканд. *sól* «солнце» и *sunna* «солнце» (поэтич.) [4. Р. 276–277]. Предпринимаются попытки реконструировать и другие основы — «небо» (ср. др.-сканд. *himinn* «небо» и *hammar* «скала; молот»); «жертва (при жертвоприношении)» (ср. др.-сканд. *tafn* и др.-англ. *tifer, tiber*); «слеза» (ср. д.-в.-н. *trahan, zahar*) и «вечер» (ср. др.-англ. диал. *éfern*) [5. С. 267–272; 6. Р. 516, 504–505].

Некоторые гетероклитические основы реконструируются и для пракельтского: *wesg-/ *wesn- «весна» [7. Р. 417] и *arawag/ *arawen- «зерно» [7. Р. 40].

1.3. При этом в ведийском у некоторых существительных мы сталкиваемся также с *-(e)n- в слабых падежах при отсутствии *-(e)g в сильных. В сильных падежах мы встречаемся с большим разнообразием формантов: *-ø, *-om, *-os-ø, *-i-om: N.-A.sg. *dóh* ~ G.sg. *doṣṇáh* «пыка»; N.-A.sg. *yūśám* ~ G.sg. *yūṣṇáh* «мясная похлебка»; N.-A.sg. *śírah* ~ G.sg. *śīṛṣṇáh* «голова»; N.-A.sg. *āsíyam* ~ G.sg. *āsnáh* «рот» [8. С. 232–233].

На основании этих слов выделяют также третий тип гетероклизы — на *-i/-n- или *-H/-n- [9. S. 20; 10. Р. 1; 11. S. 165]. Существуют реконструкции и других типов гетероклизы. Так, А. Неринг восстанавливает индоевропейское название ясного неба как *dejeu (nom.): *dinés (gen.) [12].

Некоторые факты говорят о вторичном введении форманта *-(e)n- в парадигму этих существительных, по всей вероятности, в рамках перевода корневых основ из согласного склонения в более продуктивные типы: такой тип гетероклизы не обнаруживается нигде, кроме ведийского санскрита; наличие параллельной корневой основы для слов «рот» (санскр. *āh*, лат. *ōs*) и «вода»². Возможность перехода между корневыми основами и гетероклитическими нам видится скорее односторонней. Переход из непроемных основ в суффиксальные хорошо известен по большому количеству исторических примеров, в то время как обратные примеры нам не известны. Препятствием не является редкость и сравнительная непродуктивность гетероклитических основ. Точечное влияние непродуктивных типов на продуктивные вполне возможно, ср. слов. *drevo* (G. *drevesa*), *črevo* (G. *črevesa*), *pero* (G. *peresa*), перешедшие из продуктивного -o-склонения в непродуктивный тип с расширением -es-.

Э. Бенвенист оспаривает влияние морфологии в данном случае: «Трудно, однако, поверить тому, чтобы действие аналогии сказалось только на косвенных падежах без аналогичного проникновения форм на -i или на -r в именительный-винительный падеж» [13. С. 47–48]. Данное возражение снимается, если учесть, что в ведийские времена -(a)r вряд ли уже осознавался как суффикс. Кроме того, мы знаем по примерам из других языков, что такая аналогия далеко не всегда обязана быть полной, ср. греч. *dóru*, *dóratos* на месте более старого *dóru*, *dorós*, по всей вероятности, под влиянием типа *ḍvoma*, *ḍvómatos*. В этом случае аналогия затрагивает только косвенные падежи, оставляя именительный-винительный неизменным.

Таким образом, мы отказываемся от реконструкции других типов гетероклизы, кроме *-г/-n- и *-l/-n-. Вследствие этого мы не причисляем к гетероклитикам такие праславянские основы, как *oko «глаз», *ухо (вопреки [13. С. 31]), *ось «ось» (вопреки [13. С. 31]), *solь (вопреки [13. С. 31–32]), *нокть (вопреки [13. С. 34]).

Отметим, что Т. Я. Елизаренкова относит к гетероклитическим парадигмам также вед. N.-A.sg. *udakám* ~ G.sg. *udnáh* «вода» [8. С. 233]. Однако в данном случае если и можно говорить о гетероклизе, то лишь вторичной, довольно поздней. На это указывает форма abl.sg. *udakād*, которая свидетельствует о наличии у *udak*- самостоятельной парадигмы: *adhaspadān ma ud vadata maṇḍūkā ivodakān maṇḍūkā udakād iva* (Ригведа, 10.166.05d) «Из-под ног моих обращайтесь (ко мне) снизу вверх, как лягушки из воды, как из воды лягушки!» [14. С. 312].

² О потенциальной корневой основе в случае «воды» см. ниже в пункте 2.1.

1.4. Окончания гетероклитических основ, по всей вероятности, никак не отличались от остальных согласных основ. Однако отдельно стоит отметить формы на *-ōg, которые реконструируются на основании греч. ὕδωρ и σκῶρ, авест. *aiiār*³ «дни», хетт. *widār*. Потенциальным фонетическим объяснением может быть расширение закона Семереньи на последовательности *-orh₂ > *-ōg [15. Р. 129–130]. Укажем, однако, что эти формы не являются формами ном.pl., т.е. частью нормальной парадигмы, а должны рассматриваться отдельно, как собирательные.

1.5. По аблаутно-акцентной парадигме основы на *-r/-n- делят на акростатические (**ǵék^w-r*, G. **ǵék^w-ŋ-s*) и протерокинетические (**reh₂uŋ*, G. **ph₂(u)én-s*) [10].

1.6. Существует два способа, при помощи которых гетероклитики в истории отдельных индоевропейских языков переходили в другие типы склонения:

- утрата гетероклизы в пользу одной из основ: лат. *uber, uberis* «вымя»; греч. πῦρ, πῦρός «огонь» (в терминологии Э. Зилера *dismembering* [16. Р. 299]);
- совмещение двух основ в одну как в косвенных падежах латинских слов *iecur* (G. *iocineris*) «печень» и *iter* (G. *itineris*) «путь» (*conflation* [16. Р. 299]).

Собственно говоря, *conflation* представляет собой лишь неполное выравнивание основы. Не случайно в латыни генитивы *iocineris* и *iecineris* со временем сменяются более схожей с номинативом формой *iecoris*³.

Как будет подробно разобрано ниже, в праславянском мы встречаемся с обоими способами. Преобладает первый, а со вторым мы, возможно, встречаемся в слове «солнце»: раннепрасл. **sulni* > **sъlnьko*⁴.

2. Предметом дискуссий является вопрос о количестве бывших гетероклитических основ в праславянском.

2.1. К самым надежным примерам можно отнести случаи, когда когнат славянского достоверно является гетероклитиком в других ветвях индоевропейской семьи:

**ǵaro* / **ǵara* / **ǵarǵ* [17. С. 175–176] < **H₂ioH₂* «год». Ср. авест. *yār*⁵ (G. sg. *yā*) «год», а также греч. ὥρα «период, пора; время года; весна», готск. *jer* (n.) «год», лит. диал. *jėras* «ягненок»;

**ǵakra* / **ǵakro*; **ǵakno* «рыбья икра; икра ноги; глыба льда» < **ǵek^wŋ* «печень»⁵. Ср. вед. *yákr̥t* (G. *yaknāh*) «печень», греч. ἥπαρ (G. ἥπατος) 'id', лат. *iecur* (G. *iecinoris*) 'id', лит. *jėknos* (f. pl.) 'id', *jāknos* (f. pl.) «железа», лтш. *aknas* (f. pl.) «печень», пр. **iagno* (конъектура из *lagno*) «печень», лит. *ikrai* (m. pl.) «икра (рыбья)», лтш. *ikri* (m. pl.) «рыбья икра; икра ноги», пр. *uccroy* (m. pl.) «икра (ноги)»;

**purǵ* «раскаленная зола, жар» < **reh₂uŋ* «огонь», ср. хет. *pahḫur* (G. *pahḫue-naš*) «огонь», греч. πῦρ (G. πῦρός) 'id', готск. *fon* 'id', д.-в.-н. *fuir* 'id', арм. *hur* 'id', прусск. *panno* 'id';

³ Что способствует не только выравниванию основы, но и делает противопоставление номинатива-аккузатива косвенным падежам более похожим на другие, более распространенные типы, например *tempus, temporis*.

⁴ Здесь и далее мы приводим праславянское название солнца в фонетическом облике до третьей палатализации.

⁵ Реконструкции данного слова у разных авторов серьезно разнятся в деталях. Вот лишь несколько примеров: **ǵék^w-ŋ*, G. **ǵék^w-ŋ-s* [10. Р. 6]; **ǵék^w-r*, G. *i(e)k^w-én-s* [18. Р. 206]; **yék^wr*, G. **yek^wns* [19. Р. 121]; **yék^w-r(t)*, *yék^w-n-s* [20. Р. 95]; **h₂ǵék^w-ŋ(-t)*, G. **h₂ǵék^w-ŋ-s* [21. С. 46]. В том, что касается гласного корня, мы соглашаемся с тезисом о вторичности греческой долготы [18. Р. 206], при этом вокализм славянских и части балтийских потомков данного слова требует реконструкции нулевой ступени аблаута для косвенных падежей.

(*sulni >) *sълnъko «солнце», ср. вед. *sūryaḥ*, греч. ἥλιος, лат. *sōl*, готск. *sauil*, лит. *saulė*, лтш. *saule*, пр. *saule*;

*woda «вода» / *wēdro «ведро»⁶ < *uodr (G. *udnes⁷) «вода». Ср. хеттск. *uātar* (G. *uītenaš*) «вода», вед. *udan-* 'id', греч. ὕδωρ (G. ὑδατος) 'id', готск. *wato* 'id', др.-англ. *wæter* 'id', др.-сканд. *vatn* 'id', лит. *vanduō* (G. *vandėns*) 'id', лтш. *ūdens* 'id', пр. *wundan* 'id'. Некоторые затруднения вызывает отсутствие действия закона Винтера в корне слова *woda «вода». Окончание *-а нередко трактуется как возникшее фонетически из собирательной формы *uēdōr [26. S. 111; 19. P. 124];

*wumę «вымя», ср. греч. οὔθαρ (G. οὔθατος) 'id', вед. *ūdhar* (G. *ūdhnah*) 'id', лат. *uber* (G. *uberis*), д.-в.-н. *ūtar*. Некоторую сложность вызывает объяснение того, как в этом случае в основу слова был введен формант *-men. Так, В. Махек и М. Фурлан считают, что мы имеем дело со сменой гетероклизы *-r-/-n- на *-mer-/men- [27. S. 704–705; 28. S. 318], однако это, вероятно, был бы уникальный пример такой смены для праславянского. Нам кажется более правдоподобным другой сценарий, укладывающийся в русло важных преобразований в праславянской системе склонения. На первом этапе была устранена гетероклиза *-r-/-n-, и обобщен суффикс косвенных падежей, видимо, на полной ступени *-en- с включением в тип склонения на *-en-. Затем, при становлении корреляции между родом и типом склонения стало невозможным существование основы среднего рода в рамках типа склонения на *-en-, в который в позднем праславянском входил только мужской род. Противоречие было разрешено в пользу сохранения рода путем перехода основы в близкий тип склонения на *-men-⁸.

Справедливости ради упомянем, что в гетероклитическом характере трех из этих слов неоднократно высказывались сомнения. А. Мейе высказал предположение, что праславянское *woda восходит к корневой согласной основе, а не гетероклитической [30. С. 278], что нашло поддержку у Вяч. Вс. Иванова, указавшего на то, что в виде корневой основы данное слово встречается в Ригведе (Ins.sg. *udā*) и некоторых хеттских текстах (dat.-loc.sg. *uīti*, abl. sg. *uītaz*) [31. С. 12]. Однако в настоящее время эти формы трактуются как nom.-acc.pl⁹. [33. S. 316–317; 34]. Р. Дерксен считает, что для слова *wēdro более вероятна другая этимология, связывающая его со старым названием живота [35. P. 518–519]. Праславянское слово *wumę, по альтернативной трактовке, является независимым образованием с суффиксом -men от того же глагольного корня, что и другие индоевропейские слова [36. С. 263–268;

⁶ Др.-чеш. *vodně* и русск. диал. *завонь* иногда рассматриваются как остатки гетероклитического существительного [22. S. 12–13], однако более убедительной нам кажется точка зрения, согласно которой это поздние суффиксальные производные от *woda [23. С. 72; 9. S. 19], ср. др.-русс. *повонь* «поток, река» [24. С. 473] при ст.-чеш. *povodeň* и *povodně* «наводнение», но польск. *powódź* «наводнение» (все образованы от *po wodě).

⁷ А. Клухорст считает, что парадигма была протеродинамической: *uodr (G. *uden-) [25. P. 988].

⁸ Альтернативное объяснение было предложено в переписке с автором Р. Шептыньским, который предпочитает в данном случае видеть переход в тип на *-men- вследствие переосмысления нулевой ступени первичного суффикса *-n- как соответствующего алломорфа суффикса *-men- (т.е. *-mn-), подвергавшегося фонетическому изменению *-Cmn- > *-Cn- (см. [29]). Другими словами, на основе *ūd^hn-, как мнимого рефлекса **ūd^hmn-, была построена вторичная парадигма, содержащая в том числе форму *ūd^hmen.

⁹ *vardhantām dyāvo giraś candrāgrā udā vardhantām abhiṣātā arṇāḥ* (Ригведа, 5.041.14с) «Пусть растут небеса, горы со свергающими вершинами! Пусть растут от воды покоренные потоки!» [32. С. 42]; *adhā hīndra girvaṇa upa tvā kāmān mahāḥ sasṛjmahe udeva yanta udabhiḥ* (Ригведа, 8.098.07) «Ведь поэтому, о Индра, жаждущий песен, мы излили на тебя (наши) великие желания, как (Маруты,) приезжающие с водой,— воду» [32. С. 439].

37. S. 594]. Р. Матасович считает, что *ругь — *-jo-основа и дериват старого гетероклитика [19. Р. 124]. А. С. Николаев развернуто критикует основанную лишь на сомнительном младоавестийском генитиве уа̌ гетероклитическую реконструкцию «года» [21. С. 19–32].

Все эти случаи, несомненно, нуждаются в более подробном и тщательном анализе.

2.2. Еще менее достоверны случаи, когда гетероклитик для праиндоевропейского восстанавливается по косвенным данным. К сожалению, у нас нет надежного универсального критерия, который позволял бы однозначно принимать то или иное решение в сложных случаях.

Так, З. Бабик оспаривает гетероклитический статус праславянского слова *дагъ, указывая на «отсутствие чередований в парадигме одного языка, следов атематической флексии, свидетельств каких-либо форм, характерных для гетероклитиков» [38. С. 130–131]. Однако, как свидетельствуют случаи, перечисленные выше, континуанты гетероклитиков в праславянском языке обычно и не имеют каких-либо характерных чередований или особенностей в окончаниях.

По этой причине к гетероклитикам мы относим лишь те случаи, когда, -r- и -n-производные засвидетельствованы в двух и более ветвях индоевропейских языков. Дополнительным критерием служит непрозрачность этих дериватов.

В группу потенциальных гетероклитиков, по нашему мнению, входят следующие случаи:

*дагъ / *dara; *danъ [13. С. 36; 39. S. 139; 40. С. 188–189, 191–192] < *doh₃г «дар», ср. арм. *tur*, греч. δῶρον, лат. *dōnum*, санскр. *dānam*, лит. *duōnis*, др.-ирл. *dán*. Праславянское слово иногда относят к *-u-основам, однако это мнение оспаривается [40. С. 188–189];

(*dъbno >) *dъno «дно» [41. С. 174–175]; *дъбра / *дъбръ «овраг» [41. С. 176–177; 42. S. 147–149, 162–164], хорошо соотносящиеся с *d^{heub}^h- «глубокий». В балтийских языках мы находим только *-г-соответствия: лит. *dubrà* «провал в лесу», лтш. *dubra* «топь». В кельтских языках мы находим примеры обоих типов: *dubno- > др.-ирл. *domun* «мир», *dubni- > др.-ирл. *domain* «глубокий», *dubro- > *dobur* «вода» [43. Р. 123, 163–164, 168–169];

*есень «осень», ср. греч. ὁπώρα «конец лета» или «ранняя осень» < *opī + ohar [44. Р. 1094–1095], готск. *asans* (f.) «лето, жатва» < *azani- [6. Р. 46], прусс. *assanis* «осень».

К гетероклитикам ЭССЯ относит также следующие праславянские лексемы:

*каму «камень». Аргументами служат: наличие кашубской формы *kamor* наряду с тем, что слово *каму являлось *-en- основой; присутствие древнеиндийских и германских -г- форм: санскр. *aśmará-* «каменный», др.-исл. *hamarr* «скала, утес», нем. *Hammer* «молот» [45. С. 137–140]. Мы полагаем, что кашубская форма не может рассматриваться в качестве свидетельства наличия гетероклизы. Следует сказать, что она носит ярко выраженный экспрессивный характер (ср. примеры: *Veznq kamor i pálnq ce v łeb. Tëx k' amoròv tëlè je, jakbë jix djäbeł nasrâł*) [46. S. 129]. При этом в кашубском известна и форма *kam* (G.sg. *kamieña* или, реже, *kama*) [46. S. 125–127]. Суффиксы -or-, -ur-, -ór имеются как в польском, так и кашубском, они образуют экспрессивные существительные, причем нередко от сокращенной основы: польск. *język* > *jęzor*¹⁰;

¹⁰ Оставляем в стороне проблему потенциальной связи *jęzor* и *ozór*.

paznokieć > *pazur*. В кашубском помимо *pazura* «коготь» [47. S. 46] мы находим также *b'abora* «баба, женщина (пейор.)» [48. S. 11], *lešč* «лещина» > *leščôr* «палка, особенно из лещины» [46. S. 359, 360] и *laska* > *lâščôr* «палка, особенно из лещины» [46. S. 335]. Таким образом, *kamor* следует признать собственно кашубским дериватом, который нельзя проецировать на праславянскую почву. Это означает, что славянских данных недостаточно для решения вопроса о том, было ли это слово гетероклитиком в праславянском. Нельзя исключать того, что было (в таком случае это было бы, вероятно, единственное) *-mer-/men-существительное, сохранившееся в праславянском, но гетероклиза была быстро утрачена в пользу одной из основ;

*съпъ «сон», ср. тох. А. *špām* «сон», тох. Б. *špane* 'id', санскр. *svāpnaḥ* 'id', лат. *sopor* (G. *sopōris*; m.) «глубокий сон», *somnus* «сон», греч. ὕπᾱρ (n. indecl.) «явь, действительность»¹¹, ὕπνος «сон», др.-исл. *svefn* 'id', арм. *k'un* 'id', лит. *sāpnas* 'id', лтш. *sapnis* 'id'. В хеттском встречается в дериватах *šuppariḫe/a-^{zi}* «спать», *šuppariḫant-* «сонный» [25. P. 788–789]. Э. Зилер ставит под сомнение гетероклитический характер этой основы, указывая на то, что латинское *sopor* может быть и -ōs-основой по происхождению [16. P. 299]. М. де Ван идет на шаг дальше и считает *sopor* исходно корневой основой (*sūōps), опираясь на долгий вокализм однокоренного глагола *sōpīre* «усыплять» [49. P. 575]. Однако даже если не принимать в расчет латинские данные, греческой и хеттской форм, кажется, достаточно для реконструкции гетероклитической основы;

*сыршень «шершень». Дериват от *krh₂s- «голова», ср. лат. *crābrō* «шершень», прагерм. *hurnuta-/ō- > д.-в.-н. *hornuz* 'id' [6. P. 259], лит. *širšuō*, *širšė*, *širšlỹš*, *šiřšinas* 'id', лтш. *siřsenis* 'id', пр. *sirsilis* 'id';

*wesna «весна», ср. санскр. *vasarhā* «рано утром» (гапакс), *vasantaḥ* «весна», греч. ἔαρ (G. ἔαρος) «весна», лат. *vēr* (G. *vēris*) 'id', арм. *garun* 'id', др.-сканд. *vár* 'id', лит. *vāsara* / *vasarà* «лето», лтш. *vasara* «лето».

2.3. Имеется также потенциальная возможность существования собственно праславянских новообразованных гетероклитиков. Р. Матасович считает, что необходимыми условиями при этом является наличие континуантов в двух балто-славянских языках (не обязательно из разных ветвей) и идентичность или близость их значения [19. P. 122]. Ситуация осложняется тем, что суффиксы *-r- и *-n- довольно продуктивны в праславянском и случаи, когда от одного и того же корня имеются как *-r-, так и *-n-дериваты, не так уж и редки. Хотя реконструкций гетероклитических основ на собственно славянском материале довольно много, по нашему мнению, ни один из них нельзя считать достоверным.

2.4. Разберем случаи, которые мы считаем ненадежными:

*bagno «болото» / *bagъ «багровый» [13. С. 36; 50. S. 25]. ЭССЯ отвергает гетероклитическую реконструкцию [51. С. 125–127]. Основными аргументами против являются разница в семантике, разная частеречная принадлежность (при этом *-r- — распространенный адъективный суффикс [52. S. 199–201; 53]), а также разное географическое распространение этих слов в рамках славянского ареала, таким образом, мы даже не можем быть уверены в их праславянском статусе;

*bedro / *bedra «бедро» сопоставляется с лат. *femur* (G. *feminis*) [54. С. 143; 19. С. 125]. Однако эта этимология сталкивается с серьезными фонетическими трудностями (в латыни ожидалось бы, что *-d^hm- даст *-mm), поэтому

¹¹ Предполагается семантический сдвиг «сон» > «видение наяву» > «явь» в связи с противопоставленностью слову ѡвѣр «обманчивое видение» > «сон» [44. P. 1532].

современные этимологические словари отказываются от него в пользу этимологии Розадовского, выводящего данное слово от славянского корня *bed-/ *bod- «бить» [51. С. 175–176, 179–180; 55. S. 199–200]. Латинское *femur* предпочтительнее сравнивать с авест. *θanuuar*¹² «лук» [56. С. 232; 49. P. 210];

*dobo / *doba / *doby «пора, время»; лит. *dabà* «привычка, способ», *dabaĩ* «теперь»; лтш. *daba* «вид, способ, свойство, привычка» [41. С. 38–40; 57. S. 283–286; 19. P. 125; 22. S. 13–14]. Основным аргументом служит несклоняемость сербохорватского *doba* (ср. р.), однако, кажется, у нас нет никаких доказательств того, чтобы такое поведение было типичным для континуантов гетероклитических основ, во всяком случае, ни одно другое слово себя так не ведет. В тоже время, отсутствуют -п-производные от этого слова, что явно не свидетельствует в пользу его гетероклитического характера. Кроме того, -ar в литовском не может отражать постулируемых суффиксов *-j или *-ōg.

*dolnъ «ладонь» сравнивают с греческим *θένῶρ* (G. *θένῶρος*) «ладонь» и д.-в.-н. *tenar* 'id' [41. С. 63–64]. Невозможно по фонетическим причинам;

*ezero / *ezерь «озеро» [13. С. 35; 58. S. 74–75]. Среди когнатов (лит. *ẽžeras* «озеро», лтш. *ezers* 'id', пр. *assaran* 'id', арм. *ezr* «край») не обнаруживается основы с -п-формантом, поэтому предпочтительнее видеть в этом случае дериват с суффиксом *-ег- от *ẽžъ «плотина» [59. С. 33–34; 60];

*ẽd(e)ra «еда» отнесено к гетероклитикам Эккертом, с чем согласны ЭССЯ и SP [59. С. 39–40; 58. S. 117–118]. Однако греческое *ẽĩdar* (G. *ẽĩdātos*) «еда, пища» для реконструкции гетероклитической основы недостаточно. Во-первых, как уже было сказано выше, не все греческие гетероклитики восходят к праязыку. Во-вторых, *ẽĩdar* < *edwar с суффиксом *-wǵ структурно не соответствует славянскому слову. У прочих потенциальных когнатов праславянского слова (хеттск. *edri-* (п.) «еда», лит. *ẽdrà* «корм») мы не находим -п-форманта;

*galqъ «ветвь» сопоставляется с армянским *kołr* «ветвь» [60. P. 261; 13. С. 36; 50. S. 252; 61. S. 38]. ЭССЯ отвергает гетероклитическую реконструкцию без подробной аргументации [59. С. 95–96]. Отметим, что этимология армянского слова не вполне ясна, оно может быть связано и/или с *koł* «ребро, сторона» [62. P. 368–370]. В то же время славянское слово, возможно, образовано от *galъ «голый»¹², но в таком случае его суффикс являлся бы уникальным. С другой стороны, наличие других семантически близких дериватов от того же корня (пол. диал. *gala* «толстая сосна», *galak* «молодое дерево со срубленными нижними ветвями или с отвалившейся корой», рус. диал. *гáлызь* «нетолстый лес, идущий на мощение дорог в болотистых местах» [61. S. 38], *гальё* «мелкие ветки, прутья» [64. С. 122], *галюка* «ветка дерева» [64. С. 123]) делает древность формы *galqъ довольно сомнительной;

*maǵa / *maǵъ [39. S. 139]¹³, *maǵъ [65. С. 201–203, 217–218]. Несмотря на то, что существуют различные этимологии этих слов, наиболее правдоподобной следует признать ту, которая видит в них, а также в *maǵъ суффиксальные производные от *meh₂- > *mā- [65. С. 201–203, 204–207]. Значение этого глагола реконструируется как «делать знаки» [66. S. 425], из чего относительно легко выводятся «колдовать» и «обманывать». Есть основания считать, что в дреанеиндийском от того же корня, но с помощью иного суффикса образовано слово *māyā* «иллюзия, обман; магия, колдовство» [67. S. 693]. Все эти форманты известны в функции образования отглагольных существительных:

¹² Ср. *golv [63. С. 16–17] с близкой семантикой от того же корня, но с другим вокализмом.

¹³ А. Матл сравнивает *maǵa и *obmaǵъ, однако существуют основания для реконструкции и бесприставочного варианта [65. С. 204–207].

*kosmъ, *rogmъ, *jъgra, *šьlnъ, что делает данную этимологию очень вероятной. Наличие параллельных производных от того же корня свидетельствует против реконструкции гетероклитика;

*mĕra / *mĕгъ / *mĕгъ; *mĕнь «мера» [39. S. 139; 68. С. 177—181, 185—186]. Сопоставляется с хет. *mēhur* (G. *mēhunaš*) «отрезок времени», а также санскр. *mānat* «мера». А. Клухорст указывает на то, что хеттское *mēhur*, где *h* отражает *h₂, по фонетическим причинам не может быть дериватом от *meh₁-«мерить» и, таким образом, не связано с праславянским [25. Р. 567—568];

*mokъ [69. С. 144—147]. Основанием для реконструкции служит наличие -г- и -п- производных (в первую очередь в балто-славянских языках) от этого корня. Однако -п- производные мы находим только в литовском. Но в *maknà* «грязь», деривате *įmakėti* «войти, упасть в грязь», обнаруживается тот же суффикс, что и в *maiŭkti* «драть» > *máukna* «лыко» [70. S. 841, 863]. В то же время, суффикс *-го- > -г- хорошо известен по большому количеству праславянских прилагательных¹⁴, так что нет никакой необходимости реконструировать гетероклитическую основу, разумнее считать, что в данном случае мы имеем дело с параллельными образованиями разных частей речи и разных значений;

*mura «грязь» / *murъ / *muna / *munъ / *mulъ / *mulъ [71. С. 191—192, 195, 189—190, 185—186]. Отметим, что *muna / *munъ непосредственно не засвидетельствовано, оно лишь гипотетически восстанавливается на основании глагола *muniti (se), основой для реконструкции которого служат схр. диал. *múniti se* «вянуть, чахнуть», *muñati* «наострять уши, прядать ушами», чеш. *mounit* «пачкать», кашуб. устар. *muńic sq* «дуться, хмуриться», русск. диал. *му́нить* «обманывать, обводить вокруг пальца» [71. С. 189]. Как несложно заметить, лишь один из этих глаголов означает «пачкать», для остальных предполагается семантический дрейф «грязнить» > «чахнуть/хмуриться/обманывать». Непосредственно не засвидетельствовано и литовское *munas. Оно лишь предполагается на основе одной из этимологий гидронима *Nemunas*, при том, что существует и другая версия, возможно, даже более предпочтительная [72. S. 492—493]. Наличие параллельного деривата от того же корня с другим суффиксом (*mulъ / *mulъ) также говорит против реконструкции гетероклитика.

*nědro. По одной этимологии, возникло из переразложения сочетания *vьp ědra [59. С. 44], по другой — из *ne-ed- «несъедобное» и может быть соотнесено с *ěd(e)ra «еда» [73. С. 94—96]. Даже если соглашаться со второй этимологией, для этого слова актуальны те же аргументы, что и для *ěd(e)ra;

*ogъ «орел»; лит. *erĕlis* / *arĕlis*, лтш. уст. *ereļi* (m. pl.), прусск. **arelis* (конъектура из *arelie*), хеттск. *hāran-* «орел», готск. *arans* «орлы», греч. ὄρνις «птица». В. Смочинский считает *-l-/*-п-основой [74. S. 147]. Если учесть, что формант *-l- ограничен лишь балто-славянской ветвью, а в кельтских языках мы находим *-г- (пракельт. **eriro-* [7. Р. 117—118]), то гетероклитическая версия выглядит не очень правдоподобной. Похоже, что в данном случае мы имеем дело с параллельными дериватами от корня *h₃er- [66. S. 299—301]. Отметим также, что формат *-ьъ в праславянском отмечен и у других названий птиц: **detybъ* «дятел» и **petybъ* «петух» [55. S. 113];

¹⁴ Например, *starъ, *sporъ, *pъstrъ, *bъdrъ, *dobrъ, *хyтръ, *кyпръ и другие [52. S. 199—201; 53].

**ganъ*¹⁵ «ранний» при греч. ὄρθρος «рассвет» [13. С. 43]. Для греческого слова скорее выделяется суффикс *-d^hgo- [44. Р. 1101–1102], а для славянского существуют альтернативные, более вероятные этимологии [75. С. 192–193];

**soгъ* «сор» связывают с хеттск. *šakkar* (G. *šaknaš*) «экскременты», греч. σκῶρ (G. σκάτος) «экскременты, навоз», прагерм. **skarna-* «навоз», лтш. *sārņi* «грязь, отходы; менструальные выделения» и реконструируют форму **sóġkŕ* (G. **s(e)ġnós*) [76. Р. 186; 6. Р. 440]. Однако **soгъ* тесно связано с **syрати* (1. sg. **serq*), а этот корень чаще отделяют от перечисленных выше существительных [77. С. 720] и реконструируют как **ġer(H)-* [66. S. 327];

wada* [19. Р. 125]. Матасович реконструирует гетероклитическую основу на основе сближения ст.-сл. **вада «жалоба» с хеттским *uttar* «слово, речь; вещь, случай, история, причина». Мы полагаем эту трактовку достаточно сомнительной. С одной стороны, хеттское слово совершенно не обязательно родственно славянскому гнезду **wad-* [25. Р. 932–933]. С другой стороны, только лишь хеттских данных недостаточно для реконструкции гетероклитической основы для праиндоевропейского, поскольку в анатолийских языках гетероклитические основы были продуктивны и данная форма может быть собственно анатолийским новообразованием;

**wěno* [13. С. 38]. Бенвенист связывает это слово и греческое ἔδνον (эпич. ἔεδνον) «брачный дар» с гипотетическим иранским **vadar*, выделенным из авестийского *vaðaīγav-* «находящийся в гоне (о самце верблюда)». Однако это невозможно по фонетическим причинам – авестийское *ð* (< **dh*) не соответствует греческому *ð* (< **d*). Современная этимология связывает греческое и славянское слова с прагерманским **wetman-* «приданое» и видит здесь *-*men-* основу (с упрощением -*mn-* > -*n-* в греческом и праславянском) [44. Р. 374; 6. Р. 583];

**zima* [12. Р. 2; 39. S. 139]. Основанием для реконструкции гетероклитика в данном случае служит наличие -*г-* и -*п-* производных от этого корня (например, греч. χειμών «зима» при χειμερινός ~ χειμέριος «зимний»; лат. *hibernus* «зимний», тох. А. *šärme* «зима»). Отметим, что -*г-* встречается только в прилагательных (тохарскую форму Д. Адамс выводит из **ġ^him(e)reh_a-h₁en-* [78. Р. 690]), которые вполне могут рассматриваться как дериваты от исходной корневой основы.

3.1. Попробуем представить судьбу вышеописанных существительных в праславянском в виде таблицы.

Таблица 1. Надежные примеры гетероклитических основ и их судьба в праславянском.

слово	суффикс	степень аблаута корня	род	новый тип склонения	акцентная парадигма
* <i>jaro</i> / * <i>jara</i> / * <i>jaгъ</i>	- <i>г-</i>	- <i>о-</i> или - <i>е-</i>	n, f, m	- <i>о-</i> , - <i>ā-</i>	с
* <i>ĵkra</i> / * <i>ĵkro</i> ; * <i>ĵkno</i>	- <i>г-</i> и - <i>п-</i>	- <i>о-</i>	n, f	- <i>о-</i> , - <i>ā-</i>	с
* <i>ругъ</i>	- <i>г-</i>	- <i>о-</i>	m	- <i>и-</i>	?
* <i>szlnьko</i>	- <i>ln-</i>	- <i>о-</i>	n	- <i>и-</i>	с
* <i>woda</i>	?	- <i>о-</i>	f	- <i>ā-</i>	с
* <i>wědro</i>	- <i>г-</i>	- <i>е-</i>	n	- <i>о-</i>	b
* <i>wymę</i>	- <i>en-</i> (?)	- <i>о-</i>	n	- <i>men-</i>	a

¹⁵ Отметим, что возможна реконструкция и **огпъ*.

Таблица 2. Менее надежные примеры гетероклитических основ и их судьба в праславянском.

слово	суффикс	ступень аблаута	род	новый тип склонения	акцентная парадигма
*daŕь / *dara; *danь	-ŕ- и -n-	-o-	m, f	-o-, -ā-, -i-	c
*dьbra / *dьbrь; *dьbno	-ŕ- и -n-	-o-	f, m, n	-ā-, -i-, -o-	b
*esenь	-en-	-e-	f	-i-	c
*kamy	-men-	-o- или -e-	m	-men-	a
*sьnь	-n-	-o-	m	-o-	b
*sьŕšenь	-en-	-o-	m	-i-	?
*wesna	-n-	-e-	f	-ā-	c

3.2. Данные таблицы хорошо показывают, каким образом гетероклитики переходили в праславянском в более продуктивные типы склонения.

Если проанализировать имеющийся материал, то в нем преобладают типы склонения на *-i- (*ругь; (*sulni >) *sьlnьko; *danь; *dьbrь; *esenь; *sьŕšenь), *-o- (*daŕь; *jaro / *jaŕь; *jьkro; *jьkno; *wědro; *dьbno; *sьnь) и *-ā- (*jara; *jьkra; *woda; *dara; *dьbra; *wesna). В виде исключения фигурируют две согласных основы на *-men- (*wumę; *kamy). Сопоставляя полученные данные с ситуацией с корневыми основами, стоит отметить отсутствие доминирования *-i- основ. Здесь можно усмотреть два возможных объяснения:

1) распад гетероклитического склонения мог проходить в более позднюю эпоху, чем распад корневого типа, когда продуктивность *-o- и *-ā- увеличилась, а *-i- основ уменьшилась;

2) в качестве причин перехода многих корневых основ именно в *-i-склонение нередко указывают форму Acc.sg., где в мужском и женском родах *-Cm̃ > *-Cim, совпав с *-im в Acc.sg. *-i-основ.

С другой стороны, о некоторой древности этого процесса говорит то, что гетероклитический тип исчез еще до распада слоговых сонорных, общего для славянских и балтийских языков, поскольку на момент присоединения к основе показателей продуктивных типов склонения, именительный-винительный падеж заканчивался на слоговый сонорный ɹ, а не сочетание iŕ/ur, в противном случае ожидалось бы формы **jьkьro / **jьkьra вместо *jьkro / *jьkra.

Переход осуществлялся путем наращивания показателя продуктивного класса на основу: с показателем *-ŕ- (*jaro / *jaŕь / *jara; *jьkro / *jьkra; *wědro; *dara / *daŕь; *dьbra / *dьbrь; *ругь), либо с показателем *-n- (*jьkno; *dьbno; *sьnь; *wesna; *danь; *esenь; *sьŕšenь; *wumę; *kamy). Исключением является слово *sьlnьko «солнце», соединившее в себе как показатель именительно-го-винительного падежа *-l, так и показатель косвенных падежей *-n-.

Уникальность отсутствия суффикса *-ŕ- или *-n- в форме *woda говорит в пользу предположения, что она восходит к собирательной форме на *-ōŕ.

Характерной особенностью процесса перехода гетероклитиков в продуктивные типы была частая смена рода со среднего на мужской и женский и возникновение гендерных дублетов типа *jьkra / *jьkro, *jaro / *jaŕь, *dьbrь / *dьbra. Конечно, отдельного исследования заслуживает вопрос, можно ли проецировать уже на праславянский уровень дублетность такого типа, или же это сравнительно позднее явление. В то же время, гендерные дублеты не

являются специфической чертой только гетероклитических основ, скажем, такое относительно новое и прозрачное производное, как название облака (*obwolk-) отразилась в славянских языках в формах всех трех родов, и не так уж просто определить, какая именно форма является первичной.

3.3. В плане акцентных парадигм распределение выглядит следующим образом (акцентные парадигмы указаны согласно реконструкции Р. Дерксена [35]):

- парадигма а: *wumę; *kamy (2 основы);
- парадигма b: *wědro; *dъbra / *dъbrъ; *dъbno; *sъnъ (3 основы);
- парадигма с: *jaro / *jara / *jarъ; *jъkra / *jъkro¹⁶; *sъlnьko¹⁷; *woda; *darъ / *dara; *danъ; *esenъ; *wesna (7 основ);
- ?: *purgъ; *sърsenъ; *jъkno.

Анализ причин, приведших к такому распределению, ещё только предстоит выполнить.

3.4. Заметного влияния на окончания субстантивного склонения в праславянском гетероклитические основы не оказали, хотя существует остроумное предположение, что праславянское окончание G.sg. *-у, происхождение которого является серьезной проблемой для славистики, восходит к форманту *-ons гетероклитических основ: *wodons > *wody [26. S. 111]. Несмотря на всю привлекательность этого решения, оно вряд ли приемлемо, поскольку для гетероклитиков реконструируется скорее формант *-en-s / *-n-es, реже *-ŋ-s, а *-о-ступень здесь труднообъяснима.

4. Коротко резюмируем произведенный выше анализ:

1) Праславянский унаследовал от праиндоевропейского сравнительно небольшое количество гетероклитических основ, причем у нас есть все основания считать, что за время существования самого праславянского языка этот класс не пополнялся. Попытки увеличить количество реконструируемых для раннего праславянского гетероклитиков, по нашему мнению, не выдерживают критики.

2) Как и корневые согласные основы, все гетероклитики в праславянском перешли в другие типы склонения: на *-i-, *-о- и *-ā-, также *-men-. Этот процесс зачастую сопровождался сменой рода со среднего на мужской или женский, а также появлением гендерных дублетов.

3) Скорее всего, отсутствие доминирования *-i-основ среди континуантов гетероклитиков (в отличие от корневых основ) в позднем праславянском связано с тем, что у корневых основ была точка пересечения с *-i-склонением — окончание Acc.sg. *-im, в то время как все гетероклитические основы были среднего рода и у них ничего подобного не было. В то же время нельзя исключать вероятности, что гетероклитики просто растворились в упомянутых выше типах склонения позже корневых основ.

4) Переход гетероклитических основ в другие типы склонения осуществлялся до распада слоговых сонорных (*R̥ > *iR/uR).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Hoffner H., Melchert H. A Grammar of the Hittite Language. Winona Lake, 2008.
2. Hoffmann K., Forssman B. Avestische Laut- und Flexionlehre. Innsbruck, 2004.

¹⁶ Но, по указанию Р. Шептыньского, реконструкция парадигмы с в данном случае довольно спорна (письменное сообщение).

¹⁷ Однако М. Капович реконструирует это слово как *sъʹlnьse [79. S. 554] с начальным акутом и, следовательно, парадигмой а.

3. *Bottiglioni G.* Manuale dei dialetti italiani. Bologna, 1954.
4. *Ringe D.* From Proto-Indo-European to Proto-Germanic. Oxford, 2006.
5. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1963. Т. 3. Морфология.
6. *Kroonen G.* Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Leiden; Boston, 2013.
7. *Matasović R.* Etymological Dictionary of Proto-Celtic. Leiden; Boston, 2009.
8. *Елизаренкова Т. Я.* Грамматика ведийского языка. М., 1982.
9. *Arumaa P.* Urslavishe Grammatik. III. Band. Heidelberg, 1985.
10. *Schindler J.* L'apophonie des thèmes indo-européens en –r/n // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris, 1975. Т. 70. № 1.
11. *Matasović R.* Kratka poredbenopovijesna gramatika latinskoga jezika. Zagreb, 1997.
12. *Nehring A. A.* A neglected heteroclitic noun // Language. 1940. Т. 16. № 1.
13. *Бенвенист А.* Индоевропейское именное словообразование. М., 2004.
14. *Елизаренкова Т. Я.* Ригведа. Мандалы IX–X. М., 1999.
15. *Nussbaum A.* Head and Horn in Indo-European. Berlin; New York, 1986.
16. *Sihler A.* New Comparative Grammar of Greek and Latin. New York; Oxford, 1995.
17. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1981. Вып. 8.
18. *Beekes R.* Comparative Indo-European Linguistics: an introduction. Philadelphia; Amsterdam, 2011.
19. *Matasović R.* The Proto-Indo-European Heteroclitica in Balto-Slavic // Wiener Slavistisches Jahrbuch, 1998. V. 44.
20. *Clackson J.* Indo-European Linguistics. Cambridge, 2007.
21. *Николаев А. С.* Исследования по праиндоевропейской именной морфологии. СПб., 2010.
22. *Ackermann K.* Bemerkungen zu den morphologischen Resten einiger nicht belebter ieur. Kollektiva im Baltischen und Slavischen // Das Nomen im Indogermanischen. 2014. S. 9–23.
23. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 2.
24. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2000. Т. 6.
25. *Kloekhorst A.* Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon. Leiden; Boston, 2008.
26. *Bräuer H.* Slavische Sprachwissenschaft. III. Formenlehre, 2. Teil. Berlin, 1969.
27. *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.
28. *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Četrta knjiga. Ljubljana, 2005.
29. *Nussbaum A.* PIE -Cmn- and Greek τρᾶνής 'clear' // Ex Anatolia Lux. Ann Arbor; New York, 2010.
30. *Meiye A.* Общеславянский язык. М., 1951.
31. *Иванов Вяч. Вс.* О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков // Вопросы славянского языкознания. 1957. № 2.
32. *Елизаренкова Т. Я.* Ригведа. Мандалы V–VIII. М., 1999.
33. *Krisch Th.* RIVELEX. Rígvēda-Lexikon. Band 2. Graz, 2012.
34. *Трофимов А. А.* Ведийские основы vāg-, udán- и udaká- 'вода': их парадигматические и этимологические отношения // Вопросы языкового родства. 15/3. 2017.
35. *Derksen R.* Etymological dictionary of the Slavic inherited lexicon. Leiden; Boston, 2008.
36. *Хэмн Э.* Miscellanea // Этимология. 1970. М., 1972.
37. *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knjiga III. Zagreb, 1973.
38. *Babik Z.* Korespondencje akcentowe między słowiańskim i starszymi językami indoeuropejskimi (pierwotne neutra tematyczne). Kraków, 2012.
39. *Mátł A.* Absraktní význam u nejstarších vrstev slovanských substantiv // Studie a práce lingvistické I. Praha, 1954.
40. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1977. Вып. 4.
41. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1978. Вып. 5.
42. Słownik prasłowiański. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1984. Т. V.
43. *Vendryes J.* Lexique étymologique de l'irlandais ancien. Dublin, 1996. Vol. «D».
44. *Beekes R.* Etymological Dictionary of Greek. Leiden; Boston, 2010.
45. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1983. Вып. 9.
46. *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968. Т. II.
47. *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970. Т. IV.
48. *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1967. Т. I.
49. *de Vaan M.* Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Leiden; Boston, 2008.
50. *Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952–1956. Т. 1.

51. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974. Вып. 1.
52. *Ślawski F.* Słowotwórstwo, słowność i etymologia słowiańska. Kraków, 2011.
53. *Jakubowicz M.* Ze słowotwórstwa prasłowiańskiego – analiza przymiotników psł. z sufiksem -гъ // *Z polskich studiów slawistycznych*. 2018. Ser. 13. T. 2.
54. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1.
55. Słownik prasłowiański. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974. T. I.
56. *Этимологический словарь иранских языков*. М., 2003. Т. 2.
57. Słownik prasłowiański. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979. T. III.
58. Słownik prasłowiański. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1991. T. VI.
59. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1979. Вып. 6.
60. *Meillet A.* Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave: seconde partie. Paris, 1905.
61. Słownik prasłowiański. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1995. T. VII.
62. *Martirosyan H.* Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon. Leiden; Boston, 2010.
63. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1980. Вып. 7.
64. Словарь русских народных говоров. Л., 1970. Вып. 6.
65. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1990. Вып. 17.
66. *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen*. Wiesbaden, 2001.
67. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959.
68. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1993. Вып. 18.
69. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1992. Вып. 19.
70. *Smoczyński W.* Słownik etymologiczny języka litewskiego. Электронная рукопись второго издания, версия от 05.12.18. Режим доступа: <https://rromanes.org/pub/alii/Smoczyński%20W.%20Słownik%20etymologiczny%20języka%20litewskiego.pdf>
71. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1994. Вып. 20.
72. *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg; Göttingen, 1962.
73. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1999. Вып. 25.
74. *Smoczyński W.* Słownik etymologiczny języka litewskiego. Wilno, 2007.
75. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 2005. Вып. 32.
76. *Adams D., Mallory J.* Encyclopedia of Indo-European Culture. London; Chicago, 1997.
77. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 3.
78. *Adams D.* A Dictionary of Tocharian B revised. Amsterdam; New York, 2013.
79. *Kapović M.* Povijest hrvatske akcentuacije. Zagreb, 2015.